

УДК 353(470)

DOI: 10.28995/2782-2222-2023-4-47-64

Формирование механизма реализации внешнеполитических полномочий генерал-губернаторов в Восточной Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.)

Владимир И. Куликов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, kulikov_59@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется механизм реализации внешнеполитических полномочий генерал-губернаторов Восточной Сибири и Дальнего Востока. Образованное при непосредственном участии М.М. Сперанского Восточно-Сибирское генерал-губернаторство, а после его разделения – Приамурское и Иркутское имели протяженную границу с Китаем, расширение контактов с которым, а впоследствии с Японией и Кореей привело к созданию органов по осуществлению внешнеполитических полномочий генерал-губернаторов. Основное внимание в статье уделяется институту дипломатического чиновника при восточно-сибирском, приамурском и иркутском генерал-губернаторах. Находясь в двойном подчинении – краевого генерал-губернатора и Министерства иностранных дел, – дипломатические чиновники содействовали обеспечению большей согласованности в действиях Центра и регионов при реализации внешнеполитической деятельности государства и минимизации возникших межведомственных противоречий.

Ключевые слова: государственное управление; региональное управление; дипломатический чиновник при генерал-губернаторе; Главное управление Восточной Сибири; Приамурское и Иркутское генерал-губернаторства

Для цитирования: Куликов В.И. Формирование механизма реализации внешнеполитических полномочий генерал-губернаторов в Восточной Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) // Наука и искусство управления / Вестник Института экономики, управления и права Российского государственного гуманитарного университета. 2023. № 4. С. 47–64. DOI: 10.28995/2782-2222-2023-4-47-64

© Куликов В.И., 2023

Formation of a mechanism for the implementation
of the foreign policy powers
of Governors-General in Eastern Siberia
(second half of the 19th – beginning of the 20th century)

Vladimir I. Kulikov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
kulikov_59@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the mechanism of implementation of the foreign policy powers of the Governors-General of Eastern Siberia and the Far East. Formed with the direct participation of M.M. Speransky, the East Siberian Governorate-General, and after its separation, the Amur and Irkutsk, had a long border with China, the expansion of contacts with which, and subsequently with Japan and Korea led to the creation of bodies for exercising foreign policy powers of governors-general. The article focuses on the institute of a diplomatic official under the East Siberian, Amur and Irkutsk Governors-General. Being under the dual subordination of the regional Governor-General and the Ministry of Foreign Affairs, diplomatic officials helped to ensure greater coherence in the actions of the Center and the regions in the implementation of the state's foreign policy activities and to minimize the interdepartmental contradictions that arose.

Keywords: State administration; regional administration; diplomatic official under the Governor-General; General Directorate of Eastern Siberia; Amur and Irkutsk Governorships

For citation: Kulikov, V.I. (2023), "Formation of a mechanism for the implementation of the foreign policy powers of Governors-General in Eastern Siberia (second half of the 19th – beginning of the 20th century)", *Science and Art of Management / Bulletin of the Institute of Economics, Management and Law of the Russian State University for the Humanities*, no. 4, pp. 47–64, DOI: 10.28995/2782-2222-2023-4-47-64

Введение

Огромная протяженность Российской империи и отдаленность от центра ее окраин, прежде всего азиатских, обусловили известную самостоятельность приграничных генерал-губернаторов и приравненных к ним лиц в осуществлении внешней политики. Начальники приграничных территорий получили право вступать в сношения с местными властями соседних стран, что, в свою очередь, предполагало создание механизма реализации их внешнепо-

литических полномочий. С этой целью при генерал-губернаторах и наместниках учреждалась должность дипломатического чиновника или дипломатическая часть, возглавляемая дипломатическим чиновником. Практика назначения представителей внешнеполитического ведомства в приграничные регионы при краевых начальниках известна с 20-х гг. XIX в. [Кудрявцева 2018, с. 53]. Со временем представители МИД появляются во многих окраинах России: в Польше, Одессе, на Кавказе, в Туркестане, Восточной Сибири. В их компетенцию входило ведение переписки по пограничным делам с местными властями сопредельных стран, рассмотрение вопросов, связанных с пребыванием на приграничной территории иностранных подданных, доклады по этим делам генерал-губернатору или начальнику края, составление обзоров о положении дел на границе. Фактически дипломатический чиновник выступал в роли некоего министра иностранных дел при региональном начальнике. При этом он, как правило, оставался еще и в подчинении внешнеполитического ведомства. Подобное двойное подчинение требовало от лица, замещавшего эту должность, умения выстраивать отношения как с центром, так и с региональными властями [Куликов 2021]. Тем не менее приходится констатировать, что институт дипломатического чиновника, несмотря на место, которое он занимал в административной системе императорской России, все еще остается недостаточно изученной темой. В настоящей статье предпринята попытка, на основе архивных документов и законодательных источников, исследовать институт дипломатического чиновника как составную часть механизма реализации внешнеполитических полномочий генерал-губернаторов Восточно-Сибирского региона: Восточно-Сибирского, Приамурского и Иркутского генерал-губернаторств.

Становление дипломатической части при Главном управлении Восточной Сибири

Восточно-Сибирское генерал-губернаторство появилось на политико-административной карте Российской империи в 1822 г. при непосредственном участии Михаила Михайловича Сперанского. В марте 1819 г. его назначили сибирским генерал-губернатором вместо И.Б. Пестеля (отца будущего руководителя Южного общества декабристов П.И. Пестеля). Назначив Сперанского генерал-губернатором, Александр I поручил ему осуществить ревизию деятельности краевой администрации, а также разработать и представить предложения по реформирова-

нию системы управления регионом. Сперанский руководил краем около двух лет, пока его в начале 1821 г. не отозвали в Петербург. Для рассмотрения отчета о деятельности Сперанского в Сибири, а также его предложений по реформе управления краем в июле того же года по распоряжению Александра I учреждается Сибирский комитет под председательством министра внутренних дел графа В.П. Кочубея. Результатом рассмотрения в комитете предложений Сперанского стало принятие пакета законодательных актов, в том числе Учреждения для управления сибирских губерний, а также разделение Сибири на два самостоятельных генерал-губернаторства: Западно-Сибирское с центром в Тобольске и Восточно-Сибирское с центром в Иркутске.

В состав последнего первоначально вошли две губернии – Иркутская и Енисейская и одна область – Якутская. Позже в результате разукрупнения административно-территориальных единиц генерал-губернаторства появляются Забайкальская (1851 г.) и Приморская (1856 г.) области. Присоединение к России Приамурья и Приморья (1858–1860 гг.) привело к появлению еще одной области – Амурской и частичному пересмотру границ других административных единиц края.

Генерал-губернаторы Восточной Сибири обладали обширными полномочиями, им подчинялись войска, расквартированные на территории края. При генерал-губернаторе функционировал административный орган – Главное управление Восточной Сибири (ГУВС). Первые четыре генерал-губернатора Восточной Сибири (А.С. Лавинский, Н.С. Сулима, С.Б. Броневский, В.Я. Руперт) практически не занимались внешнеполитической деятельностью. Если же все-таки возникала необходимость решения каких-либо вопросов с пограничными властями соседнего Китая, то для этого привлекались чиновники особых поручений, предусмотренные штатным расписанием ГУВС.

В 1847 г. на должность генерал-губернатора Восточной Сибири назначается Николай Николаевич Муравьев. Время его управления краем – это новый этап в развитии Восточно-Сибирского генерал-губернаторства. Являясь сторонником присоединения к России неразграниченных с Цинским Китаем пограничных территорий по Амуру и Уссури, Н.Н. Муравьев активно участвовал как руководитель края в осуществлении не только внутренней, но и внешней политики. За успешную деятельность по расширению территории России на Дальнем Востоке (в 1858 г. он подписал Айгунский договор, в соответствии с которым граница между Россией и Китаем была установлена по Амуру) Н.Н. Муравьев получил графский титул и почетное прозвище Амурский. Высокая

степень вовлеченности Н.Н. Муравьева во внешнеполитическую деятельность потребовала создания в составе ГУВС дипломатической части.

Первоначально решение дипломатических вопросов возлагалось, как и при прежних генерал-губернаторах, на чиновников особых поручений. При Н.Н. Муравьеве-Амурском в штате ГУВС их насчитывалось в разное время от 7 до 11 человек [Матханова 2022, с. 15]. Чиновники особых поручений, привлекаемые к дипломатической работе, были, как правило, обременены еще и другими обязанностями и числились не по Министерству иностранных дел, а по МВД. Активизация контактов генерал-губернатора с властями Цинского Китая потребовала от некоторых из чиновников особых поручений специализации на дипломатической деятельности. Поступивший в 1851 г. на службу в ГУВС Н.Д. Свербеев уже официально числился старшим чиновником особых поручений по дипломатической переписке, а в 1854 г. даже возглавил дипломатическую часть [Маланова 2014, с. 270]. Поскольку формирование дипломатической части как отдельного структурного подразделения растянулось на несколько лет, имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют назвать точную дату учреждения при ГУВС дипломатической канцелярии. Так, И.Н. Мамкина заявляет, что дипломатическая канцелярия и должность чиновника для дипломатической переписки при ГУВС появились еще в 1848 г., т. е. практически сразу после прибытия Н.Н. Муравьева в Иркутск [Мамкина 2021, с. 204]. Более осторожной позиции придерживается А.В. Маланова: не рискуя назвать дату появления дипломатической канцелярии, она вместе с тем утверждает, что к 1854 г. дипломатическая канцелярия уже функционировала как действующее учреждение, так как в этот год она переехала в новое здание, расположенное рядом с губернаторским домом [Маланова 2014, с. 270]. Наконец, по мнению Р.А. Изаксон, дипломатическая канцелярия при восточно-сибирском генерал-губернаторе была учреждена лишь в мае 1862 г., т. е. уже после отставки Н.Н. Муравьева-Амурского [Изаксон 2017, с. 237]. По всей видимости, дипломатическая часть в годы губернаторства Н.Н. Муравьева-Амурского являлась не до конца оформленным структурным подразделением ГУВС, отсюда и такая разногласия в вопросе о времени ее возникновения. К тому же ее сотрудники в служебном отношении еще не были связаны с Министерством иностранных дел. Впрочем, «дипломатическая» деятельность чиновника особых поручений могла быть замечена внешнеполитическим ведомством и впоследствии помочь ему при его желании перейти на службу в МИД. Так, Е.К. Бюцов, прослуживший при Н.Н. Муравьеве

в качестве чиновника по дипломатической переписке пять лет, после отставки своего начальника перешел на службу в МИД и сделал там успешную карьеру¹. Но в 1860–1870-х гг. такой переход не был типичным.

При преемниках Муравьева-Амурского чиновники дипломатической части продолжали числиться по ведомству МВД. Согласно штатному расписанию, утвержденному 11 ноября 1874 г., в составе ГУВС предусматривались должности чиновника особых поручений по дипломатической переписки и двух переводчиков – одного с китайского, другого с маньчжурского языков. На содержание дипломатической части выделялось три тысячи рублей в год. Должность чиновника для дипломатической переписки устанавливалась в VI классе по Табели о рангах. В организационном отношении дипломатическая часть являлась столбом одного из отделений ГУВС². Штатным расписанием от 24 июня 1883 г. увеличивался размер жалования чиновника для дипломатической переписки, дополнительно вводилась должность столоначальника, но при этом выводились за штат должности переводчиков. Содержание дипломатической части обходилось уже в 3725 рублей³.

В 1884 г. из части Восточно-Сибирского генерал-губернаторства в составе трех областей – Амурской, Приморской и Забайкальской – выделяется Приамурское генерал-губернаторство с центром в Хабаровске, а само Восточно-Сибирское генерал-губернаторство в 1887 г. переименовывается в Иркутское. В результате этого протяженность приграничной полосы Иркутского генерал-губернаторства с Китаем резко сократилась, что стало основной причиной упразднения дипломатической части. Штатным расписанием от 2 июня 1887 г. должность чиновника по дипломатической переписке при иркутском генерал-губернаторе уже не предусматривалась, сама дипломатическая переписка сосредотачивалась в канцелярии генерал-губернатора, а решение возникавших время от времени пограничных вопросов вновь поручалось чиновникам особых поручений⁴.

¹ АВПРИ. Ф. 161. СПб. Гл. арх. IV-2. Оп. 119. Д. 8. Л. 3–6.

² Полное собрание законов Российской империи: Собр. 2-е. Т. XLIX. Отд. 3-е. № 54030. С. 516.

³ АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 1061. Л. 9–10.

⁴ АВПРИ. Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе. Оп. 579. Д. 229.

Дипломатическая канцелярия при приамурском генерал-губернаторе

Выделившееся в 1884 г. из состава Восточно-Сибирского Приамурское генерал-губернаторство с центром в Хабаровске имело довольно протяженную границу с Китаем. Кроме того, на территории входивших в его состав областей проживало достаточно много выходцев из Японии и Кореи. Все это порождало немало самых разнообразных пограничных вопросов и как следствие требовало формирования устойчивых механизмов реализации внешнеполитических полномочий генерал-губернатора. Особенно актуальной данная проблема становится в 1890-х гг. ввиду активизации дальневосточной политики России. Поэтому назначенный в марте 1893 г. приамурским генерал-губернатором С.М. Духовской еще перед своим отъездом на Дальний Восток в беседе с директором Азиатского департамента МИД Д.А. Капнистом затронул вопрос об учреждении в крае должности дипломатического чиновника. Прибыв в Хабаровск и на месте убедившись в необходимости учреждения дипломатической части, Духовской официально обращается в МИД с соответствующим предложением. Однако в Министерстве иностранных дел не сразу нашли необходимые для реализации данного проекта средства, и учреждение должности дипломатического чиновника в Хабаровске растянулось на несколько лет. Лишь в ноябре 1896 г. удалось принять решение об учреждении в законодательном порядке с 1 января 1897 г. должности дипломатического чиновника при приамурском генерал-губернаторе. Еще полгода ушло на согласование кадрового вопроса – только к лету 1897 г. Министерство иностранных дел сумело подобрать кандидатуру на новую должность: назначение в Хабаровск получил Я.Я. Лютш, служивший до этого секретарем политического агентства в Бухаре [Иконникова 2001].

Лютш возглавлял дипломатическую часть при приамурском генерал-губернаторе сравнительно недолго – около трех лет. Однако им была подготовлена согласованная с генерал-губернатором и утвержденная Министерством иностранных дел инструкция для дипломатического чиновника. Согласно ей, на дипломатического чиновника возлагалось исполнение поручений генерал-губернатора и ведение делопроизводства по вопросам, касающимся соседних государств и международного права, выдача паспортов русским подданным, отправляющимся из Хабаровска в Китай, составление для генерал-губернатора обзоров русской и иностранной тихоокеанской прессы, а также взаимодействие с пограничными комиссарами, непосредственно занимавшимися разрешением

пограничных вопросов с властями соседних государств и поддержанием порядка на границе⁵.

Дипломатическая часть функционировала как самостоятельное учреждение при генерал-губернаторе и не входила в состав его канцелярии. На ее содержание выделялось по смете Министерства иностранных дел 7 тыс. рублей в год (из них 3 тыс. – жалованье дипломатического чиновника, еще 3 тыс. – столовые и квартирные деньги и 1 тыс. – канцелярские расходы)⁶. В распоряжение дипломатического чиновника поступали состоявшие в штате канцелярии генерал-губернатора переводчики китайского и маньчжурского языков. Должности дипломатического чиновника присваивался VI класс по Табели о рангах. Министерство иностранных дел снабжало его служебными печатями и дипломатическими шифрами и требовало от него периодических донесений по делам политического характера⁷. За все время существования дипломатической части при приамурском генерал-губернаторе на должности ее начальника сменилось пять чиновников: Яков Яковлевич Лютш, Александр Николаевич Грушецкий, Петр Генрихович Тидеман, Николай Вячеславович Богоявленский и Михаил Павлович Куренков.

Создание в 1903 г. Дальневосточного наместничества и передача в ведение наместника сношений с соседними странами по делам вверенных ему областей привели к значительному сужению полномочий дипломатического чиновника при приамурском генерал-губернаторе. Более того, после начала Русско-японской войны и назначения военного министра А.Н. Куропаткина командующим сухопутными войсками в Маньчжурии, А.Н. Грушецкого, возглавлявшего в то время дипломатическую часть в Хабаровске, определили в походную канцелярию на должность чиновника по дипломатической части при командующем маньчжурской армией [Нестерова 2004, с. 77], исполнение же обязанностей дипломатического чиновника в Хабаровске временно возложили на делопроизводителя генерал-губернаторской канцелярии коллежского асессора Белоусова⁸.

Лишь после окончания Русско-японской войны функционал должности дипломатического чиновника при приамурском

⁵ АВПРИ. Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе. Оп. 579. Д. 273. Л. 2.

⁶ Полное собрание законов Российской империи: Собр. 3-е. Т. XVI. № 13439. С. 727–728.

⁷ АВПРИ. Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе. Оп. 579. Д. 81. Л. 18.

⁸ АВПРИ. Ф. 326. Архив Дипломатической канцелярии при наместнике на Дальнем Востоке. Оп. 928. Д. 18. Л. 96.

генерал-губернаторе восстанавливается в прежнем объеме. Хотя дипломатический чиновник с точки зрения закона рассматривался одновременно как советник генерал-губернатора и агент внешнеполитического ведомства, в самой инструкции, составленной еще при Лютше, весьма туманно и неопределенно были изложены его обязанности в отношении Министерства иностранных дел. Поэтому дипломатический чиновник нередко прибегал к «частным письмам» как форме взаимодействия с внешнеполитическим ведомством. По крайней мере, такую рекомендацию получил от МИД при своем назначении в Хабаровск Н.В. Богоявленский⁹. Двойное подчинение дипломатического чиновника – генерал-губернатору и внешнеполитическому ведомству – в условиях недостаточной регламентации несло в себе риски межведомственного соперничества. Если Лютш пользовался полным доверием у генерал-губернатора Духовского, то этого нельзя было сказать о взаимоотношениях их преемников. Так, например, генерал-губернатор Н.И. Гродеков ограничил контакты состоявшего при нем дипломатического чиновника А.Н. Грушецкого с внешнеполитическим ведомством, запретив тому посылать обзоры из тихоокеанской прессы в Первый департамент МИД, что вызвало серьезное недовольство в министерстве¹⁰. Н.В. Богоявленский, занимавший должность дипломатического чиновника при двух генерал-губернаторах (П.В. Унтербергер и Н.Л. Гондати), умудрился испортить отношения с обоими начальниками края и даже позволял себе жаловаться в Министерство иностранных дел на Унтербергера (правда, уже после того, как тот покинул свой пост) и на правителя его канцелярии К.А. Лакшевица, смотревшего на начальника дипломатической части как на подчиненного ему чиновника. Впрочем, подобные недоразумения возникали практически везде, где при генерал-губернаторах назначался чиновник по линии внешнеполитического ведомства. В Министерстве иностранных дел видели эту проблему и серьезно к ней относились. В рамках работы над проектом нового «Учреждения Министерства иностранных дел» в 1909 г. обсуждался вопрос о статусе дипломатической части при генерал-губернаторе и в ходе этого обсуждения из лиц, замещавших должность дипломатического чиновника (а эта должность на тот момент помимо Хабаровска существовала при краевых начальниках в Варшаве, Одессе, Тифлисе, Ташкенте и Асхабаде), наибольшую активность проявил как раз Н.В. Богоявленский, направивший несколько ана-

⁹ АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 1096. Л. 93.

¹⁰ АВПРИ. Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе. Оп. 579. Д. 273. Л. 5.

литических записок руководству Министерства иностранных дел. В них Богоявленский с целью снизить риски межведомственных конфликтов предлагал упорядочить статус дипломатического чиновника, уточнить его компетенцию и повысить класс должности с шестого до пятого по Табели о рангах¹¹. Несмотря на то что не все предложения Богоявленского удалось реализовать, можно согласиться с мнением омской исследовательницы Т.Н. Сорокиной, что из всех дипломатических чиновников при приамурском генерал-губернаторе именно Богоявленский «больше всех сделал для поднятия престижа этой должности как равнодушным отношением к своим обязанностям, так и неуклонным стремлением поднять ее на должную высоту» [Сорокина 2005, с. 249].

В январе 1910 г. на межведомственном совещании в Петербурге, состоявшемся под председательством товарища министра иностранных дел С.Д. Сазонова, принимается новый порядок сношений японских консулов во Владивостоке и Николаевске с российскими властями: отныне они должны были вестись исключительно через дипломатического чиновника при генерал-губернаторе. Вскоре аналогичный порядок установился и для прочих иностранных консулов в Приамурском генерал-губернаторстве, что, в свою очередь, вызвало необходимость в организации регулярных командировок дипломатического чиновника в административные центры областей края. Подобные командировки начались при Богоявленском и были продолжены при его преемнике Куренкове. В ходе этих поездок дипломатические чиновники знакомились с деятельностью иностранных консулов, собирали сведения о китайских и японских подданных, находившихся на российской территории, встречались с пограничными комиссарами областей края и т. д. Летом 1913 г. во время очередной командировки в Благовещенск Богоявленский по поручению генерал-губернатора разбирал спор о разграничении компетенции между амурским пограничным комиссаром и русским консулом в Айгуне (Маньчжурия) и при участии этих должностных лиц, а также амурского военного губернатора разработал новую инструкцию о должностных обязанностях пограничного комиссара Амурской области¹².

С началом Первой мировой войны роль дипломатического чиновника в административной системе Приамурского генерал-губернаторства объективно возросла. М.П. Куренков, встав в ноябре 1913 г. во главе дипломатической части, стремился, в отличие от

¹¹ АВПРИ. Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе. Д. 81. Л. 11–30.

¹² Там же. Д. 85. Л. 96–98.

своего предшественника, избегать недоразумений с генерал-губернатором и его канцелярией. К вопросам, традиционно находившимся в его ведении, добавились дела об иностранных подданных, которых власти подозревали в шпионаже в пользу враждебных держав, о военнопленных, цензура иностранной прессы, поступавшей в краевые учреждения, конфискация нелегально ввозимых иностранными подданными товаров, в том числе контрабандного спирта, и даже такой специфический вопрос, как противодействие антияпонской пропаганде со стороны корейских эмигрантов, и др. В целом Куренков сумел организовать столь необходимое в военное время взаимодействие дипломатической канцелярии как с гражданскими, так и военными властями края.

Дипломатический чиновник при иркутском генерал-губернаторе

В 1906 г. принимается решение о возвращении Забайкальской области в состав Иркутского генерал-губернаторства. Протяженность его границы с Китаем сразу увеличилась до трех тысяч верст. Ввиду таких перемен исправлявший должность иркутского генерал-губернатора генерал-лейтенант А.Н. Селиванов в сентябре 1906 г. возбудил вопрос об учреждении должности дипломатического чиновника в Иркутске. В Министерстве иностранных дел, куда было направлено ходатайство А.Н. Селиванова, сочувственно отнеслись к данному предложению, но, поскольку предполагалось, что средства на содержание дипломатической части должны выделяться из сумм Министерства иностранных дел, а найти таковые ведомство не сумело, вопрос на некоторое время оказался заморожен¹³. Фактически повторялась история с учреждением должности дипломатического чиновника в Хабаровске. В марте 1908 г. Селиванов вторично обратился во внешнеполитическое ведомство с просьбой решить вопрос об учреждении должности дипломатического чиновника. На этот раз инициативу Селиванова поддержал не только МИД, но и МВД. Совместное обращение двух ведомств сделало более стоворчивым Министерство финансов, которое согласилось ассигновать на учреждение проектируемой должности 6 тыс. рублей. Это было на тысячу рублей меньше, нежели ежегодно выделялось на содержание дипломатической части при приамурском генерал-губернаторе. Министерство иностранных дел попыталось добиться согласия Министерства финансов на увеличение ассиг-

¹³ АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 1065. Л. 5.

нуемой суммы, но, видя, что это только затягивает окончательное решение вопроса, не стало настаивать на увеличении выделяемой суммы¹⁴. В мае 1911 г. Николай II подписал принятый Государственной думой и Государственным советом закон об учреждении должности чиновника по дипломатической части при иркутском генерал-губернаторе. Должность официально учреждалась с 1 мая 1911 г. Дипломатическому чиновнику в Иркутске присваивался VI класс по Табели о рангах. В 1911 г. на содержание чиновника выделялось 4 тыс. руб., а начиная с 1912 г. – 6 тыс. в год. Эта сумма складывалась из жалования (2 тыс. руб.), столовых (2 тыс. руб.) и квартирных (1 тыс. руб.) денег. Кроме того, предполагалось ежегодно выделять по 1 тыс. руб. на канцелярские расходы и разъезды¹⁵. В июне 1911 г. Министерство иностранных дел согласовало с новым иркутским генерал-губернатором Л.М. Князевым кандидатуру на должность дипломатического чиновника. Выбор МИД пал на секретаря российского консульства в Сиаме титулярного советника Николая Кузьмича Эльтекова, служившего во время русско-японской войны 1904–1905 гг. в походной дипломатической канцелярии при наместнике на Дальнем Востоке Е.И. Алексееве. В феврале 1912 г. Эльтеков прибыл в Иркутск и приступил к исполнению должности.

Круг обязанностей дипломатического чиновника в целом был определен еще в записке Селиванова, инициировавшей учреждение данной должности. Ему поручалось заведование делами, возникающими по вопросам пограничного характера, ведение статистики о переселении в пределы генерал-губернаторства китайских, корейских и японских подданных, наблюдение за проживающими на территории генерал-губернаторства иностранцами, включая оказание помощи им при их обращении в российские административные учреждения. Особо оговаривалась необходимость наблюдения за проживающими на территории генерал-губернаторства бурятами и их связями с буддистскими центрами за границей. В сферу компетенции дипломатического чиновника входило также изучение условий для развития торговли с Китаем и оказание содействия отправляющимся туда отечественным торговцам и промышленникам¹⁶. Так как дипломатический чиновник находился в двойном подчинении – генерал-губернатора края и Министерства иностранных дел, то по всем вышеперечисленным вопросам он обязан был докладывать и генерал-губернатору и в МИД.

¹⁴ АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 1065. Л. 19.

¹⁵ Полное собрание законов Российской империи: Собр. 3-е. Т. XXXI. № 35271. С. 402.

¹⁶ АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 1065. Л. 2.

Учреждение должности дипломатического чиновника в Иркутске оказалось весьма своевременным. Осенью 1911 г. в Китае разразилась революция, в результате которой пала правившая с середины XVII в. династия Цин. Новые власти Китая ослабили контроль на границе, и в приграничные районы России, в том числе на территорию Иркутского генерал-губернаторства, значительно вырос поток переселенцев из Китая и Маньчжурии. Ослабление авторитета китайских властей в приграничье негативно сказалось и на положении российских подданных, проживавших на китайской территории. О своей автономии поспешила объявить Монголия, с пограничными властями которой также необходимо было выстраивать отношения. Все это требовало постоянного внимания со стороны дипломатического чиновника. Накануне Первой мировой войны Эльтекову пришлось принимать участие в урегулировании непростого вопроса о консульских представителях иностранных держав в Восточной Сибири. МИД и тесно связанные с военным ведомством краевые власти занимали диаметрально противоположные позиции по данной проблеме: если внешнеполитическое ведомство не имело возражений против учреждения консульств в городах Восточной Сибири, то Военное министерство и иркутский генерал-губернатор, наоборот, крайне подозрительно относились к намерению иностранных держав расширить свою консульскую сеть в регионе. Эльтеков по поручению генерал-губернатора Л.М. Князева организовал работу по сбору сведений о консульских представителях в генерал-губернаторстве, внося, таким образом, посильную лепту в урегулирование межведомственных разногласий [Воронов 2011, с. 295].

Н.К. Эльтеков возглавлял дипломатическую канцелярию в Иркутске по 1917 г. включительно. Ему, в отличие от его коллег в Хабаровске, удавалось избегать конфликтов и недоразумений с начальниками края. В 1913 г. Эльтекову по ходатайству генерал-губернатора присвоили, минуя чин коллежского асессора, сразу надворного советника. Это стало косвенным признанием его заслуг на посту дипломатического чиновника¹⁷.

Упразднение дипломатических канцелярий в Хабаровске и Иркутске

Самый сложный период в истории института дипломатического чиновника начался в 1917 г. после падения самодержавия. В Хабаровске и Иркутске произошли серьезные изменения в организации

¹⁷ Ежегодник Министерства иностранных дел. 1913. СПб., 1913. С. 31.

краевой власти, отразившиеся на положении дипломатического чиновника. В марте 1917 г. в Хабаровске по решению образованного в ходе революционных событий Комитета общественной безопасности вместо упраздненной генерал-губернаторской власти учреждается должность комиссара Временного правительства по Дальнему Востоку, на которую был назначен депутат IV Государственной думы от Приамурья А.Н. Русанов. Среди административных учреждений генерал-губернаторства, намеченных к ликвидации, значилась и дипломатическая канцелярия. Однако возглавлявший ее М.П. Куренков в письме, адресованном председателю Секции по ликвидации Управления приамурского генерал-губернатора, обратив внимание на то, что дипломатическая часть по закону никогда не входила в состав генерал-губернаторской канцелярии и изначально была призвана решать дела, связанные с реализацией внешнеполитического курса государства (перечень вопросов, входящих в компетенцию дипломатического чиновника, у Куренкова насчитывал 27 пунктов), сумел убедить новые власти в необходимости сохранения дипломатической части¹⁸. Обращение Куренкова поддержал Русанов, и дипломатическую канцелярию решили не трогать, ограничившись переименованием должности в чиновника по дипломатической части в Приамурском крае. По схожему сценарию развивались события и в соседнем Иркутском генерал-губернаторстве, где должность чиновника по дипломатической части при иркутском генерал-губернаторе преобразовали в должность дипломатического чиновника при иркутском краевом комиссаре. Оба дипломатических чиновника – Куренков в Хабаровске и Эльтеков в Иркутске – стали считаться представителями МИД при краевых органах Временного правительства. Изменение статуса дипломатических чиновников на какое-то время помогло продлить существование этого института. Более того, летом 1917 г. в политических кругах страны даже обсуждался вопрос о реформе института дипломатического чиновника при краевых комиссарах. Дипломат Б.А. Бахметев, назначенный Временным правительством в июне 1917 г. послом России в США, отправляясь к месту службы через Дальний Восток и в ходе своей поездки успевший ознакомиться с деятельностью дипломатических чиновников в Хабаровске и Иркутске, предложил реорганизовать дипломатическую часть в Приамурском крае: перевести ее из Хабаровска во Владивосток, увеличить штатную численность, расширить полномочия во взаимоотношениях с Японией и Китаем и, видимо, с целью ограничения некомпетентного вмешательства в ее деятельность со стороны местных властей полностью переподчинить ее

¹⁸ АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 1088. Л. 28–30.

внешнеполитическому ведомству¹⁹. Впрочем, провести задуманную реформу внешнеполитическое ведомство не успело. Да и общеполитическая ситуация, сложившаяся в стране к осени 1917 г., почти не оставляла шансов на продолжение нормальной деятельности дипломатических чиновников на местах. Свержение Временного правительства окончательно делегитимировало его краевые органы и стало главной причиной расформирования дипломатических канцелярий в Хабаровске и Иркутске.

Заключение

Итак, генерал-губернаторы императорской России играли важную роль в системе регионального управления и обладали обширными полномочиями не только в области внутренней, но и внешней политики государства. С целью реализации их внешнеполитических полномочий в системе генерал-губернаторской власти учреждалась дипломатическая канцелярия. Становление дипломатической части в административной системе Восточной Сибири началось при генерал-губернаторе Н.Н. Муравьеве-Амурском. Дипломатическая часть постепенно превращалась в структурное подразделение административного органа при генерал-губернаторе. Она еще не была связана с внешнеполитическим ведомством, а ее личный состав числился, как правило, по ведомству внутренних дел. Активизация внешней политики России на Дальнем Востоке в последнее десятилетие XIX в. внесла существенные коррективы в статус дипломатической части при генерал-губернаторах. Сначала в Приамурском, затем в Иркутском генерал-губернаторствах учреждаются дипломатические канцелярии, возглавляемые дипломатическими чиновниками. Симптоматично, что должности дипломатических чиновников, числившихся по ведомству иностранных дел, были учреждены в этих регионах по инициативе и при деятельном участии местных генерал-губернаторов – С.М. Духовского в Хабаровске и А.Н. Селиванова в Иркутске. На должность дипломатического чиновника назначались, как правило, лица, имевшие опыт дипломатической и консульской службы, в том числе на Дальнем Востоке. Из шести чиновников, возглавлявших дипломатическую часть в Хабаровске и Иркутске, пятеро до своего официального назначения занимали ответственные должности в схожих по функционалу учреждениях: Лютиш являлся секретарем

¹⁹ АВПРИ. Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе. Оп. 579. Д. 81. Л. 40–44.

политического агентства в Бухаре, Тидеман и Куренков неоднократно временно исполняли обязанности дипломатического чиновника (первый – при начальнике Квантунской области в Порт-Артуре, второй – при приамурском генерал-губернаторе в Хабаровске), Богоявленский служил в должности чиновника МИД VI класса в Цицикаре (Маньчжурия), Эльтеков состоял сначала в распоряжении чиновника по дипломатической части при начальнике Квантунской области, затем – управляющего походной дипломатической канцелярией при наместнике на Дальнем Востоке. Нелишним будет упомянуть, что Богоявленский был известным китаеведом, перу которого принадлежало немало работ по истории и экономике Китая²⁰. Находясь в двойном подчинении – местного генерал-губернатора и Министерства иностранных дел, дипломатические чиновники содействовали обеспечению большей согласованности в действиях Центра и окраин при реализации внешнеполитической деятельности Империи, смягчали возникавшие межведомственные противоречия. Крах имперской государственности в результате революции 1917 г. привел к упразднению должности дипломатических чиновников на окраинах России, в том числе в Восточно-Сибирском регионе.

Литература

- Воронов 2011 – *Воронов И.А.* К истории возникновения консульских представительств иностранных государств в Восточной Сибири в начале XX века // Вестник Иркутского университета. 2011. № 10. С. 291–296.
- Изаксон 2017 – *Изаксон Р.А.* Деятельность дипломатической канцелярии Иркутского генерал-губернатора накануне и в период Февральской революции 1917 г. // Вестник архивиста. 2017. № 2. С. 233–244.
- Иконникова 2001 – *Иконникова Т.Я.* С.М. Духовской и учреждение должности дипломатического чиновника при приамурском генерал-губернаторе // Дальний Восток России: исторический опыт и современные проблемы заселения и освоения территории: Третьи Гродековские чтения: Материалы региональной научно-практ. конф. Ч. 1. Хабаровск: ДВНГБ, 2001. С. 38–41.
- Кудрявцева 2018 – *Кудрявцева Е.П.* Деятельность Оренбургской пограничной комиссии в качестве подразделения российского МИД // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2018. № 3. С. 51–55.

²⁰ *Богоявленский Н.В.* Русская торговля в Тарбагатайском крае // Сборник консульских донесений. СПб., 1899. Вып. VI. С. 461–475; *Он же.* Западный Китай. Его прошлое, настоящее состояние и положение в нем русских подданных. СПб., 1906; и др.

- Куликов 2021 – *Куликов В.И.* Дипломатический чиновник при генерал-губернаторе в административной системе Российской империи // История российской государственности: Доклады Междунар. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения профессора Н.П. Ерошкина. М.: РГГУ, 2021. С. 201–208.
- Маланова 2014 – *Маланова А.В.* Окружение Н.Н. Муравьева в годы решения Амурского вопроса (1848–1861 гг.) // Вестник Иркутского университета. 2014. № 4. С. 269–274.
- Мамкина 2021 – *Мамкина И.Н.* К вопросу о формировании механизмов реализации внешнеполитической деятельности в генерал-губернаторствах Азиатской России // Россия–Китай: развитие регионального сотрудничества в XXI веке: Материалы XIX Междунар. научно-практич. конф. Чита, 2021. С. 199–206.
- Матханова 2022 – *Матханова Н.П.* Чиновники особых поручений в системе управления Восточной Сибири XIX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2022. Т. 41. С. 14–21.
- Нестерова 2004 – *Нестерова Е.И.* Чиновник по дипломатической части при приамурском генерал-губернаторе А.Н. Грушевский // Приамурье в историко-культурном и естественно-научном контексте России. IV Гродековские чтения. Ч. 1. Хабаровск, 2004. С. 73–77.
- Сорокина 2005 – *Сорокина Т.Н.* Должность чиновника по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе // Азиатская Россия: люди и структура империи. Омск, 2005. С. 233–260.

References

- Ikonnikova, T.Ya. (2001), “S.M. Dukhovskoy and the establishment of the post of a diplomatic official under the Amur Governor-General”, *Dal'nii Vostok Rossii: istoricheskii opyt i sovremennye problemy zaseleniya i osvoeniya territorii: Tret'i Grodekovskie chteniya: Materialy regional'noi nauchno-prakt. konf.* [The Far East of Russia. Historical experience and modern issues of settlement and development of the territory: The Third Grodek conference: Proceedings of the regional scientific and practical conference], part 1, DVNGB, Khabarovsk, Russia, pp. 38–41.
- Izacson, R.A. (2017), “Activities of the Diplomatic Chancellery of the Irkutsk Governor-General on the Eve of and during the February Revolution of 1917”, *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, no. 2, pp. 233–244.
- Kudryavtseva, E.P. (2018), “The activity of the Orenburg's border committee as a department of the Russian ministry of foreign affairs”, *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, no. 3, pp. 51–55.
- Kulikov, V.I. (2021), “Diplomatic official under the Governor-General in the administrative system of the Russian Empire”, *Istoriya rossiiskoi gosudarstvennosti: Doklady Mezhdunar. nauch. konf., posvyashchennoi 100-letiyu so dnya rozhdeniya profesora N.P. Eroshkina* [History of Russian statehood. Reports of the International

- Scientific Conference commemorating the 100th anniversary of the birth of Professor N.P. Eroshkin], RGGU, Moscow, Russia, pp. 201–208.
- Malanova, A.V. (2014), “N.N. Muravyov’s entourage during the years of the Amur Issue solution (1848–1861)”, *Proceedings of Irkutsk State Technical University*, no. 4, pp. 269–274.
- Mamkina, I.N. (2021), “On the formation of mechanisms for the implementation of foreign policy activities in the governorates-General of Asian Russia”, *Rossiya – Kitai: razvitiye regional’nogo sotrudnichestva v XXI veke: Materialy XIX Mezhdunar. nauchno-praktich. konf. Chita, 2021* [Russia – China. The development of regional cooperation in the 21st century. Materials of the XIX International Scientific and Practical Conference], Chita, Russia, pp. 199–206.
- Matkhanova, N.P. (2022), “Special duties officials in the public administration system of Eastern Siberia in the 19th century”, *Bulletin of Irkutsk State University. History series*, vol. 41, pp. 14–21.
- Nesterova, E.I. (2004), “Diplomatic official under the Amur Governor-General A.N. Grushevsky”, Amur region in the historical, cultural and natural-scientific context of Russia. IV Grodek conference, part 1, Khabarovsk, pp. 73–77.
- Sorokina, T.N. (2005), “The position of a diplomatic official under the Amur Governor-General”, *Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii* [Asian Russia. People and structures of the empire], Omsk, Russia, pp. 233–260.
- Voronov, I.A. (2011), “On the history of the emergence of consular missions of foreign states in Eastern Siberia at the beginning of the 20th century”, *Bulletin of Irkutsk University*, no. 10, pp. 291–296.

Информация об авторе

Владимир И. Куликов, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; kulikov_59@mail.ru

Information about the author

Vladimir I. Kulikov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; kulikov_59@mail.ru